

WYKAZ WYDAWNICTW I ICH SKRÓTY

Budownictwo i Architektura (Warszawa)	PWG Polskie Wydawnictwo Gospodarcze (Warszawa)
Filmowa Agencja Wydawnicza (Warszawa)	PWM Polskie Wydawnictwo Muzyczne (Kraków)
IHKM Instytut Historii Kultury Materialnej (Warszawa)	PWN Państwowe Wydawnictwo Naukowe (Warszawa)
Instytut Zachodni (Poznań)	PWRiL Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne (Warszawa)
Iskry (Warszawa)	PZWL Państwowy Zakład Wydawnictw Lekarskich (Warszawa)
Ks.iW. Książka i Wiedza (Warszawa)	PZWS Państwowy Zakład Wydawnictw Szkolnych (Warszawa)
Nasza Księgarnia (Warszawa)	Śląsk przy Wydawnictwie Górniczo-Hutniczym (Katowice)
LSW Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza (Warszawa)	Sp.iT. Sport i Turystyka (Warszawa)
Oss. Zakład im. Ossolińskich (Wrocław)	Wiedza Powszechna (Warszawa)
PAN Polska Akademia Nauk	Wyd. Prawn. Wydawnictwo Prawnicze (Warszawa)
PIW Państwowy Instytut Wydawniczy (Warszawa)	
PTL Polskie Towarzystwo Ludoznawcze (Wrocław)	

R O Z N E

JAN CZEKANOWSKI

BALTIKUM UND SKANDINAVIEN

Die Baltische Expedition, das grosse wissenschaftliche Unternehmen des Miklucho-Maklay Etnographischen Institutes der Akademie der Wissenschaften — aus dem sich die Institute für Geschichte und Recht der Akademie der Wissenschaften Littauens, das Institut für Ethnographie und Folklore der Akademie der Wissenschaften Lettlands und des Institutes für Geschichte und des Ethnographischen Museums der Akademie der Wissenschaften Estlands beteiligt haben — hat ein so grosses und wertvolles anthropologisches Beobachtungsmaterial gesammelt und in der Bearbeitung von N. N. Czeboksarow veröffentlicht, dass es möglich geworden ist eine allgemeine Orientierung bezüglich der anthropologischen Struktur der Bevölkerung des Baltischen Gebietes zu gewinnen.

Bekanntlich hat der erste in dieser Richtung von Sophie Ehrhardt gemachte Versuch zu keinen exakt präzisierten Ergebnissen gebracht. Erst die Anwendung des analytischen Apparates der polnischen Anthropologie gestattete die mit verschiedenen Methoden gemachten Beobachtungen auf das Niveau der Schweizerischen Aufnahme zu reduzieren und die analytischen Ergebnisse zu präzisieren.

Die erzielten Ergebnisse haben gezeigt, dass die Esten und vor allem die Liven in anthropologischer Beziehung so stark von den Skandinavischen Nordgermanen beeinflusst worden sind, dass sie diesen näher kommen als die kontinentalen Deutschen. Das veranschaulicht die beigegefügte Karte der Konzentration des nordischen anthropologischen Elementes.

Die ganz unerwartete Feststellung, dass die Beimischung der für die finnischen Völker charakteristischen paläoasiatischen Komponente bei den Letten stärker ist, als bei den Esten spricht dafür, dass die Periode des letto-finnischen Kontaktes älter ist, als der Kontakt der Finnen und Nordgermanen und noch im Inneren des Kontinentes stattgefunden hat.

Nicht weniger wichtig ist die Feststellung, dass bei den Esten, dem grossen Anteile des nordischen Elementes zum Trotz, die Beimischung des lapponoiden (alpinen) Elementes stärker ist, als die Beimischung des mediterranen, wodurch sie sich von den Nordgermanen unterscheiden. Das gestattet zu schliessen, dass von den Esten autochtone Lappen assim-

liert wurden, wenn auch die Hauptmasse dieser Autochthonen in südlicher Richtung abgedrängt wurde.

Das Vorhandensein der früher nicht präzisierten anthropologischen Unterschiede zwischen Littauern, Letten, Esten und Liven, und der enge Zusammenhang der letzteren mit den Skandinaviern veranschaulicht das beigefügte Diagramm. Es wird dort gezeigt, dass die Esten von den Inseln und die Letten aus der Umgebung von Libau sich in anthropologischer Beziehung von den Liven nicht unterscheiden. Die Ekspansion der Liven hat sehr stark die westlichen Letten und westlichen Littauern beeinflusst. Es unterliegt keinem Zweifel, dass die Letten eine von den Finnen beeinflusste Randformation des leto-litauischen (baltischen) Volkes darstellen.

Die Anwendung der Methode der quantitativen anthropologischen Analyse hat gezeigt, dass die anthropologische Gegenwart des Baltikums als ein Ergebnis des Zusammenprallens der Finnen mit den Balten und Germanen aufgefasst werden muss, wobei die Ostseeküste von den Letten vor den Littauern und später als von den Finnen erreicht wurde. Die strittige Frage ob die Finnen an der Küste vor den Germanen erschienen sind; werden erst eingehende kranilogische Untersuchungen entscheiden können.

WACŁAW PETSCH

THE VISTULA-DELTA AND THE PROBLEM OF EAST PRUSSIA AT THE PEACE CONFERENCE IN 1919

The aim of this work is to show that a rigorous application of the theoretic theses of the Peace Conference concerning the State frontiers (principle of ethnographic borders) can evoke catastrophic consequences and to draw attention to the faults of the method applied for a realization of those principles in practice.

The errors of the method consisted in the fact that data falsely representing the demographic state of relations have been used as a basis. The interpretation of these data also evoked many doubts.

A typical example of a great political meaning (because it has been connected with the problem of Gdańsk) was the question of the Vistula-Delta.

The actual work gives details of the German demographic registration in 1910 in the following districts: Kwidzyna, Susz, Malborg and Sztum interpreted in the light of the scientific conceptions of Polish ethnography between the two World Wars. (W. Wakar, K. Smogorzewski). The Commission for Polish Affairs (Cambon's Commission) which had to present the High Council a project of the solution of above question calculated the total amount of Germans in this territory to be about 200,000 people. This figure has no confirmation even in official statistics. Thus, the amount of Poles in the Kwidzyna and Susz districts has been evaluated only as 7000 against 73000 Germans. whereas the German registration of 1910 gave an amount of about 30,000 Poles, i.e. 23,2% of the whole population. A school registration of 1911 quoted by the Polish Delegation evaluated the number of Poles in that territory to be 37,000 people, i.e. 29,4% of the population. A very important thing to form a proper idea of the demographic statistics of that territory is the percentage of German population which was employed in the administration service and therefore could not be considered as permanent population. For the territory of Pomerania this percentage amounted to 22,7 of the whole German population.

As we see, the interpretation of statistical data plays a very important role. We must also remember that the demographic registration of 1910

was tendentious and carried out in conditions of severe oppression of the Polish population, as it has been known to the whole world. That is why the author allows himself to quote the opinion of a scholar of world reputation, prof. dr Eugene Romer, representative of the Polish Delegation at the Conference: „...all the above mentioned quantities of Poles and Germans are based on official registrations being more or less falsified...”

Another expert, prof. dr Kazimierz Nitsch made the following statement: the war being lost by Germany the elementary justice requested to join to Poland the Sztum district without any formalities...”

Thus, a paradoxal situation arose, both contradictory suggestions in the question of Vistula - Delta made at the Conference by the Commission for Polish Affairs (supported three times) — to adjudge the Vistula-Delta to Poland and by Lloyd George to make out of it a plebiscite territory-concerned an area with quite a different demographic configuration than the one imagined by those who had to decide in that question. Now, this very demographic situation had to be the decisive factor of the expected solution. It is to be noted that the specially important for the Polish independence factor of the geographic situation of that territory has not been taken into consideration.

As example of tragic results due to wrong rigorous application of theoretic principles in the matter of fixing borders on the Conference the problem of East Prussia has been chosen*). In this article the attention is drawn to the contradictions occurring between the consequences of the right of nations to self-determination (of the right to a separate independent organization of the State) and, on the other hand, between the ethnographic principle of delimiting State boundaries which is sometimes carried out too dogmatically. When creating conditions of independency for a new State one should not fix its frontiers in a way that would expose it to constant danger from the side of its more powerful neighbours or to economic or transit restrictions, implicitly paralysing its economic and politic independence. This very element of the Conference activity — the disregard of the security of small new- created States for the fiction of a quasi common- security system was probably one of the most tragic faults in the work of the Supreme Council. The cause mostly contributing to the rise of such shocking errors was probably the fact that there wasn't any representation at the Conference, sufficiently powerful and authoritative, which knew and could defend the interests of Eastern Europe, a dangerous disproportion in dealing with security- problems of West and East Europe being the result of it.

* In an other work projects concerning the Polish access to the sea have been systematically reviewed. That work entitled: The question of the Polish access to the sea and the principle of the ethnographic frontiers on the Peace Conference at Paris in 1919 has been published in the *Przegląd Zachodni* N. I in 1958.

The Polish Delegation at the Peace Conference being aware of the proper role and character of East Prussia-this aggressive German colony in East Europe aimed to neutralize its offensive functions proposing to incorporate same within the boundaries of Poland as an autonomous province or to submit it to the sovereign power of the Ligue of Nations. The Delegation pointed at the same time to the danger of halfway solutions in this very question, because the cession of Pomerania (West Prussia) to Poland, leaving East Prussia to Germany would create, no matter how right the principle of ethnographic frontiers could be, a permanent fire- brand of territorial conflicts in this part of Europe. The Germans would constantly aim to reconquer Pomerania and to create a territorial connection with East Prussia. Besides, such policy has been unequivocally announced in the *Bemerkungen der Deutschen Delegation zu den Friedensbedingungen* in the passage concerning the solution of the Danzig problem. The danger was so much the greater in view of the force disproportion of both countries and because of the illusions as to the efficiency of the projected security system. Nevertheless, considerations important for the British Empire prevailed, that Power having the last word in this respect, as it became clear later. The annexation of the German colonies, and of the German commercial navy together with the reparations seemed to be a more valuable acquisition than the stabilization of relations in Eastern Europe. So much the more that Lloyd George, being aware of the energy and expansion potential of Germany, thought it would be more advisable to make greater concessions in the East and to show more understanding for German interests in this very region. In this way, the greatest aspiration of the international community-the World Peace became an object of play between the Great Powers representing their own egoistic interests.

As trace of the historical attitude that Prussia should demilitarize we have the Report of the Commission for Polish Affairs dated February 12 th, 1919 a respective passage of it being: „...East Prussia will be reconstituted under conditions guaranteed by the League of Nations to secure its complete demilitarization...”

(D. H. Miller, V. VI, p. 350 and further).

H. WILCZEWSKI

ABOUT THE ETHNOGRAPHIC PROBLEM OF THE BALTIC SEASHORE

The postulate of the Polish naval ethnography and the beginning of work as has been planned by the Committee for the investigation of the development of technics, science, art, tradition and social life of seamen, for the elaboration of a naval ethnographic atlas with dictionary and creation of naval museums- in other words- the realization of the decision

taken at the I. International Congress of Naval Ethnography in 1954 at Naples does not request a more ample explanation. When scrutinizing the existing literature about the art of building boats and ships, these most important instruments of work and fight at sea, we must explicitly separate the Scandinavian schooners because according to A. Köster the German tribes settled in the delta of the Elbe employed till the first century A. D. in navigation on the sea big hollowed boats and of course could not challenge the Roman fleet. They also were not fishermen which stayed too long, because they preferred to lease the sea-take to a Roman company. Köster thought that the continental navigation has been later taken over by the Germans from the Romans or perhaps from the Celts. As to the Scandinavian schooner navigation it probably has a common genesis with the Slavonic shipping on the Baltic sea. The German continental tribes pressing forward towards the Slavonic population settled by the Elbe were probably also taking over the Slavonic schooner joiners.

It is also known that after the defeat of the Veletic and Obotritic federation the Slavonic sea corsairry maintained oneself and developed further. It is worth while to quote the remark of prof. K. Gorski (in his work Poland in the basin of the Baltic) that in Rostock there is even left a street called Wokrenterstrasse (the Slavonic word okręt, wokrent, meaning ship). The Germans proceeded to develop their shipbuilding only in the Hanseatic period and in addition with the participation of Slavonic joiners.

Our most ancient naval schoonerbuilding developed on basis of our native primitive forms which were known already since the neolithic period and the Łużyce maritime group was well acquainted with the sea as well as the posterior groups of Vendic culture which administered almost the whole southern coast of the Baltic leaving traces in the toponomastics of ancient harbours and ports among which a very striking name is Lipa, Lepa, connected not only with a name of a tree (lipa means lime-tree) but rather with the adjective „Lepy—“ (feans, nice, beautiful). The presence of Kashubian fishermen stations on the Vistula-Mouth Shallow already in the XIIIth century shows that the boats discovered eastward from the Vistula mouth were rather Slavonic and the conception of their Prussian origin is not sufficiently proved, because it is known that there remained a Slavonic population under the Prussian rule. The boats known from Gdańsk-Orunia, discovered in 1933 and described by U. Lienau are in principle similar to boats previously discovered in Mechlinki, Charbrow and Leba and the way how their covering is connected with their coupling also does not differ from that of boats found eastward from the Vistula. The rivers Leba and Radunia and the waters of the Vistula and the Nogat deltas formed a comfortable communication system and the last investigations of W. Lega proved that the old islands of these deltas were constantly settled by Slavs.

It was Lienau who noticed that the discovered boats are different than the ones used by the vikings. They were not boats of open sea, rather continental boats adapted to navigation in protected waters, especially in the waters of the delta and Vistula-bay. On the basis of materials elaborated up to the present time, it is possible to state that the Pomeranian sea and Vistula-Delta fishing of the period preceding the Teutonic Order colonization, has been active in the Vistula Shallow. (It is worth while to quote the words of a Gdańsk scientist, R. J. Selika, who admitted that even in the beginning of the XXth century the inhabitants of fishermen settlements eastward from the Vistula mouth had Slavonic features. At the Vistula bay coast in small picturesque fishermen ports have been working schooner joiners who built without drawings, in a traditional way, specific boats and sailing-ships. (e. g. Modersitzki, the schooner-maker in Tolkmick) which were carefully described by Szymanski, originating from Tolkmick in his German works. In the material culture of the Elbląg province, as well as in the whole Warmia province, many relics are still found, especially of village dwellings and it is known that the German scientist Ditrich stated that the Slavonic log-huts were common on this territory even in the XIXth century.

RYSZARD GANSINIEC

THE EUCHARIST IN BELIEFS AND PRACTICES OF THE FOLK

The example of Eucharist is used here as a proof that the beliefs and practices which were later believed to be superstitions, have been originally official church practices or at least approved by the main Christian circles, viz: monks, bishops, and clergy; these were their authors and from them only they soaked through to the folk. Next is presented the creative role of the Latin mediaeval era during which became finally crystallized the beliefs and folk practices ruling till to day.

The material is divided into two big groups: I. Church practices, thus approved and recommended ones, II. Practices prohibited by the Church although exerted by monks, bishops and priests. The Eucharist for dead people is applied in two ways: a) as a sacrament when the Eucharist was put in the mouth of the dead. This practice is only known through the prohibitions of councils since the Vth century; as those prohibitions were constantly repeated till the Carolingian epoch we can state that this custom has been deeply rooted and that the folk has been very attached to it. It is undoubtedly due to the fact of late baptism because almost up to the XIth century only adults prepared by catechumenical schools had been baptized. Therefore if somebody died suddenly he was baptized on the

deathbed, confirmed and received the Eucharist as it was normally applied to living persons. b) another function had Eucharist when it was put on the chest of the dead as if it were a viaticum for the way to the other world. This practice comes from the most ancient, antechristian tradition of Greeks and Egyptians to provide the death with food and drink. We find that tradition in the practices of Egyptian monks from which adapted it for himself bishop Basil ordering to put the sacred host into his coffin. The custom passed later to the Benedictines and further to the high clergy educated by them. This observance influenced the ceremony of altar consecration and outlasted here and there in the ceremony of Good Friday. More recent legends about people wanting to have the Eucharist in their graves refer to the above mentioned custom.

2. The Eucharist in Christian therapeutics: numerous data prove that since the II nd century, i.e. almost from the beginning of Christianity the Eucharist has been used as medicine and amulet. Up to the modern times a so called benediction of senses after the Mass has been recommended; it consisted in an overlaying of the *corporale* on the face. This custom gave the beginning to folk-practices. The largest expansion in medical cure (as talisman against demons, sicknesses and vermin) had the Eucharist buried in gardens and fields to make everything grow well. It has been given as drug not only to sick people but to animals also.

3. *Purgatio canonica* is an eucharistic ordeal which did not come to life before the Merovingian era. The bishop gave the Eucharist to the accused who did not confess his fault, in a very ceremonial form, after a special admonition- if the latter was guilty he died within a year. The Church sanctioned this ordeal by including it in the Ecclesiastical law as a disciplinary means of justification for monks, bishops and priests in case of a serious charge.

4. The Eucharist protection of life and property. The talisman character of the Eucharist is confirmed and emphasized by bishop Ambrose and by pope Gregory the first; to those who are carrying the Host it secures safety. The fields which are consecrated by the Eucharist during a procession are protected from damages like hail, drought, mice, insects etc. and the crop is secured. Against storms and thunders a priest with Eucharist is active everywhere, the Eucharist or *corporale* casted into water or fire is a check for any calamity. This practice existed since the Xth century till the modern times.

II. Practices prohibited by the Church. The authors and advocates of those practices had also been monks, priests and seminarists from which they passed to the folk.

I. The Eucharist as talisman of property. Sewed into a dress the Eucharist protects from misfortune and guarantees success. Since the XIIIth century shepherds having the Eucharist protect themselves and their flocks

and herds against pest and wolves. The Eucharist sewed into a net always secures a rich catch, thrown into a barrel of wine brings the publican many customers. Vegetables sprinkled with Eucharist grow better and are free from caterpillars. Foresters and hunters used the Host in order to be sure to hit: this was a German practice.

II. The Eucharist in love magic is uninterruptedly known since the XIIIth century up to the present day in various form: kissing with Eucharist in the mouth, blowing in the face of the beloved person after having taken the communion. In Italy and in other places the Eucharist has been added to the food.

III. The Eucharist and foretelling: has been met only in legends.

IV. The Eucharist as protection against the devil and witches: casted into fire or water the Eucharist destroys machinations and infernal delusions and unmasks the witches.

V. The Eucharist in noxious spell: was applied in a decomposed state (put under bed or threshold); powdered by means of a pestle evokes storm and hail; added with feces to sheep food causes pest. (France). The possession of Eucharist was considered in France and less frequently somewhere else, to be a proof against a witch.

Ale these practices and beliefs died out under a new intellectual current- the deism, spreading from England (Scot) through Holland (Bekker, van Dale) to France (Fontenelle) and from here to other countries. From the beginning of the fashion for occultism and magic (1450) originating and cultivated in princely and ecclesiastic dignitaries' courts, and passing afterwards to the middle class and folk- the inquisition court, the confessional and the pulpit contributed in a high degree to the popularization of magic practices and beliefs. When the activity of above mentioned factors ceased the magic mirage diminished and finally stopped.

MARIAN GOTKIEWICZ

RELIGIOUS FIGHTS IN SONGS AND LEGENDS OF SPIŚZ AND ORAWA

The land between the chain of Magura Spiska and the Dunajec river called Zamagurze Spiskie belonging today partly to Poland and partly to Czecho-Slovakia is inhabited since the most ancient time by a Polish population of Roman- Catholic faith whose number is estimated to be 15.000. Besides, there are in that place 3 villages inhabited by Lemki which are of Greek- Catholic faith. Those villages lay on the Czecho-Slovakian side and have a population of about 2700 inhabitants speaking the Ruthenian dialect. They were founded in the XVth and XVIth centuries in connection with a wave of Wallachian colonization.

The legends registered in Lapsze Wyżne in the Zamagurze Spiskie trents of a contention which arose about the right to a village between its Catholic population and the Greek-Catholic Lemki. This would show that the village being today quite Catholic could contain for some time a group of Lemki new-comers who either assimilated with the Polish autochthons or left the above village-migrating somewhere else.

In the period of the counter-reformation in some villages of the Zamagurze Spiskie which belonged at this time to Hungary it came to quarrels about the possession of churches between the Catholic population and groups of protestants protected by their feudal superiors. As an illustration of those relations we can quote a legend registered in Krempachy, a village in Zamagurze belonging to the Protestant family of Horwath Stanchits de Gradec. According to this legend, on base of a mutual agreement of both disputing sides, the verdict had to proclaim that the owner of the church would be the part which first presented a new born baby of male sex. Luck was on side of the Catholics and they have got the church. The religious antagonisms in the period of Reformation and Counter-Reformation found also reflection in songs and legends of Gorna Orawa which is a land between the Tatras and the Babia Gora where Protestantism was forced upon the Polish population by the lords of the Orawa Castle. In the second part of the XVIIth century Catholicism won a definite victory in Orawa. Most songs and legends based on the religious fights date of that time. Some of those legends and songs outlasted till today; their texts collected within the last few years are given in the present article.

WOJCIECH HEJNOSZ

ETHNOGRAPHY AND THE LAW

The author begins with the remark that ethnography has an ample range of investigations and therefore is in a rather strict connection with other sciences, especially with history. When dealing with remote past ethnography meets with archaeology which in its turn bases the researches mostly on relics of material culture rivalling, in a certain degree with an actually developing new science, i.e. with the history of material culture. In spite of this competition with the above mentioned sciences ethnography reserves for itself almost exclusively a certain domain of social life phenomena i.e. researches in the sphere of social ideology viz. beliefs, superstitions, customs and rites. We can state that such investigations interested the ethnology almost since the beginning of its activity, whereas the methods of research work applied by this science secure the same a dominant role.

One of the disciplines that get much profit out of the investigations carried into effect by ethnology is the jurisprudence. The latter gains when ethnography investigates the history of law as well as when it deals with problems of living law, applied today. It is easy to understand this connection when we think that almost every branch of law has its beginning in the common law which continues to play a more or less important role even then, when the written law is already developing, because then this law appears mainly in the character of folk's common law. It is important to know this law when working at codification problems, or in normative questions of law administration and it plays a certain role in the action of colonization, especially when primitive folks are concerned. In our jurisprudence the great importance of ethnographic investigations for the understanding of the history of Polish law has been recognized a long time ago because the latter had a prevalent common law character. To prove this statement it is enough to quote the works of such connoisseurs of that law as M. Borzyński, O. Balzer, P. Dąbkowski, W. Abraham. Besides law customs have a meaning not only for a better understanding of the history of law but they are also connected with living law and knowing them it is often much easier to understand the conditions of today's life, this fact being of great importance for the legal practice.

The author concludes with the observation that a matter of interest for the ethnographers is also the problem of social and cultural phenomena, such as proverbs, legends, fairy-tales, folk-songs etc, which often contain valuable information about ethical and legal creeds, the proof being the rich collection of O. Kolberg. Lawyers ought to pay more attention to ethnographic investigation than they do it now.

WINCENCY STYS

ECONOMIC MOTIVES OF PEASANT MARRIAGES

This article is based on an inquiry conducted in 20 villages of Southern Poland in 1948, during which information on 4950 married couples has been collected. The area of land owned by men and women when marrying was used as the criterion of their relative wealth. The manner they chose each other was taken as the sign of their economic motives.

The average size of allotments given by the parents to their children at the moment of their marriage was the same for both sexes. However, there was a greater proportion of landless boys and a smaller proportion of girls who have got the biggest allotments.

37,5% of men married women with allotments of the same size as their own, 37,7% married richer and 26,8% poorer women than themselves. But only in 24,3% of all cases the differences of property between the partners

were great. This proves that the policy of marrying people of more or less the same standing predominated. Anyhow in 62,5% of all cases smaller or greater differences existed and acted as a levelling force on the agricultural structure, the more so, as poor people succeeded in many cases to marry rich partners, whereas rich often ventured to marry poor but very attractive persons.

JÓZEF GAJEK

AIMS AND METHODS OF THE POLISH ETHNOGRAPHIC ATLAS

The work on the Polish Ethnographic Atlas, which has been carried on since 1954 by the IVth Department of the Institute of Material Culture History — Polish Academy of Sciences, (IHKM—PAN) was initiated in 1947 by the Polish Ethnographic Society, which settled the basic cartographic principles of this publication. The years 1954—1957 proved to be a period, of intensive work on the Atlas carried on in the Chair of Ethnography in Wrocław under the supervision of Prof. J. Gajek. An atlas conference has been organized there in June 1955, over 40 ethnographers, philologists, historians and archaeologists taking part. About 170 maps, made by 17 authors have been exposed in 7 rooms and the basic principles of the Atlas as well as methods of work were discussed during three days. Some maps will be included in the trial issue and in further issues of the Polish Ethnographic Atlas. This publication is at the present time one of the main problems of the Polish ethnography; as it is proved by the enclosed bibliography the problem of above Atlas has already a fairly rich literature.

The article entitled „Aims and Methodes of the Polish Ethnographic Atlas“ deals in 9 chapters with the main problems connected with the work on the Polish Ethnographic Atlas, viz:

1. basic theses concerning the subject and the aims of ethnography,
2. problems and possibilities of the cartographic- ethnographical method,
3. the cartographic method and its relation to the system of cultural facts,
4. the problem of time in the ethnographic cartography (the question of dynamism),
5. Problem of quantitative defining of cultural phenomena in the work on the Ethnographic Atlas,
8. The question of the linguistic cartography of the Ethnographic (the complexity principle).
7. Problems of historical processes and of geographic environment in the work on the Polish Ethnographic Atlas.

3. The question of the linguistic cartography of the Ethnographic Atlas.

9. Some problems connected with the cartographic technique.

In those chapters the author puts a stress on the necessity of giving a definition of ethnography, stating that it is a historical discipline and as such not only looks for general genetic laws and names them but is also interested to investigate the evolution of these laws in respective conditions of folks and nations. Ethnography, defined in this way aims, like history, to concrete investigations concerning the development of definite folks and their culture. Such a standpoint gives in consequence the impulse to researches whether a folk (or a tribe) differs in a given period from its neighbours and what elements constitute a community binding a group of people into a definite ethnic unit. When investigating contemporaneity the ethnographer does not limit his activity only to searches of relics and cultural phenomena of relic character but investigates the culture in its full context and by means of a quantitative determination of occurring changes learns the direction of its evolution. Thus the present is a point of issue for ethnographic investigations of the past. At the same time, the contemporaneous material used for those investigations can provide suggestions to the reconstruction of bygone historical processes, to the interpolation of materials in case of ambiguity or when sources are missing; the above material serves also to complete the picture of the development of peasant and proletarian culture, to evaluate contemporaneous processes and to discover evolutionary tendencies in a culture of an investigated nation. In further chapters the author discusses the possibilities of elaboration and interpretation of ethnographic investigations by means of a cartographic-ethnographical method.

MARIA ZNAMIEROWSKA-PRÜFFEROWA

MUSEUMS AND ETHNOGRAPHIC SECTIONS IN POLAND

1. Actual requirements and summary of the present state. Protection of folklore relics of the past. The authoress describes the actual requirements of ethnographic museums and draws attention to the historical and social value of folklore relics of the past and relics of art. She stresses that they are greatly imperiled, this state being especially dangerous in view of the fact that Poland has been much more devastated by the war than any other country and is extremely poor as far as folklore relics of the past are concerned.

The aim of the article is to analyze the shortcomings and the requirements of the Polish ethnographic museum science in order to mobilize efforts preventing further irreparable losses in that line. She makes appeal to

authorities, cultural and educational social institutions underlining the insignificant investigation possibilities of ethnographic centres.

2. Summary of the present state a) the quantity of ethnographic collections is quoted in the review of museum assemblage amenable to the Ministry of Culture and Art; the above review deals with collections of Polish origin within the limits of 17 provinces, the quantitative data being of the year 1954 (because of editorial difficulties the article has been issued with a delay of few years).

As per quantity of collections the first place belongs to the Ethnographic Museum in Cracow, which owed in 1954 over 21.000 objects against about 22.027 in 1958; next is the Museum of Culture and Folk-Art in Warsaw, owner of about 20000 objects in 1954 against about 21.389 in 1958; then comes the Ethnographic Museum in Lodź, which had about 11.000 items.

The enclosed map gives a certain idea of the special dislocation of the ethnographic collections in Poland in 1954.

European and other continents collections in Poland are further described the greatest number of the latter being, in the Museum of Culture and Folk-Art in Warsaw.

The inventory of ethnographic collections of Polish origin gives a certain idea of the collection specification according to such sections as: hunting, fishing, shepherding, bee-keeping, cultivation of plants, mining, architecture (models of huts) sculpture, folk-wood-carving, fretwork, all sorts of implements, especially gingerbread forms, wicker-work, netting, furniture, painting on glass, cuttings and labels, tissues, printing blocks for tissues, dyeing with dyer's weed and animal dye-stuff, embroideries and lace-work clothes and folk-dress, decoration and working-up of raw-material in the line of pottery, tile manufacture, working-up of skins, metals and amber; next come articles of rite such as Christmas marionettes, monsters, Easter-eggs, pastry-products, podłaźniki (spider-like ceiling decorations) toys, models illustrating folk-dances, musical instruments, therapeutics, legal customs (measures, signs, emblems, fishermen marks).

Beside the collections amenable to the Ministry of Culture and Art, ethnographic assemblage amenable to other institutions are also described here. c) Outdoor museums. Here are enumerated the few remaining on place or removed relics of folk-architecture in the provinces of Gdansk, Cracow, Olsztyn and Katowice.

The administrative structure of museums follows further and provinces having the richest ethnographic collections of Polish origin or from other countries of Europe are mentioned in successive order. (In 1958, in connection with the new decentralization policy, the majority of museums in Poland is passing under the supervision of local administrative authorities).

3. Requirements of the ethnographic museums in Poland. A coordination of museum work with other scientific institutions is requested. It is also necessary to specify as soon possible the character of museums and ethnographic sections and to define the range of their scientific investigation activity embracing a chosen region. Moreover, it is necessary to fix a plan for the development of museums, taking in consideration their specificity in particular branches of culture, e.g. hunting, fishing, folk-art or its chosen sections etc. At last, the matter of planned gathering of collections has been discussed, the question of scientific documentation based on simultaneous investigations, as well as the problem of difficulties and shortcomings, resulting from insufficient credits for researches, money for buying objects etc. Some museums have already proved to be successful thanks to sporadic collaboration with various scientific institutions, viz. Institute for History of Material Culture-Polish Academy of Sciences, Universities, State Institute of Art, Scientific Societies, etc. A very urgent matter of exchanging items with foreign museums and the necessity of organizing or completion of Polish folk-culture exhibitions abroad have been emphasized.

It is also necessary to make an inventory of ethnographic collections in Poland as per special sections and territories in order to complete them in a planned manner. In connection with that, systematic catalogs of exhibits and geographic catalogs should be introduced, if wanting. For this purpose it is necessary to agree upon a conventional systematization of collections. Very urgent problems for the majority of Polish museums are those of adequate buildings, sufficient staff, technical equipment of laboratories for conservation and photography and especially a great shortage of technical foreign literature. The after-war difficulties in the line of suitable premises make the question of organization of display storages particularly important. (Written in 1955).

TADEUSZ SEWERYN

EXPOSITION METHODS AND IDEOLOGICAL STRUCTURE OF AN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

RESUMÉ

Three main types of museum expositions developed in the XXth century: the storage type, the decorative type and the scientific one. The first system wants to impose on the visitor by the multitude, the second by the decorative arrangement of exhibits. Both types of exposition are obsolete today, although the fashion for decorativeness has not been yet everywhere surmounted. The characteristic feature of the scientific method of expo-

tion is the priority of essence before the form. This essence is assigned by the social aim of the museums. The scientific exposition ought not avoid beauty.

We consider to be beautiful such system of exposition which being organized in a matter-of-fact-way gives the visitor also an aesthetic satisfaction.

Projectors of exhibitions in museums arranged in a modern style have to their disposition principles of symmetry, equilibrium and uniformity of the order; they can also apply a system of interpenetrating and intercutting forms by means of colour, dynamics of line and gravity of lump, examples of such methods being found in objects of modern art. On the other hand no innovation system should be applied which would be unconvincing for the spectators or distorting the matter- of- fact- order by advancing aesthetic factors to the first place.

An important aim of expositions in an ethnographic museum is to teach how to think historically. In the Ethnographic Museum in Cracow three elements of folk- material culture have been presented in a historic order: 1) how a man got his food 2) how he dressed and 3) how he dwelled. A supplement to the presentation of the material culture is the exhibition of the history of villages showing the development of social and production relations in a Polish village. Only after taking notice of production tools, productive forces and relations in production in historical scale the spectator passes to the exposition of folk- art, one of the main features of which is a strict contact with everyday life requests. The range of such a structure of exhibitions depends of the special plan, the latter being not an improvisation but a product of a long creative work.

This plan regulates the possibilities of fulfilling the fundamental problems of the museum, the rational circulation of the public in the premises of the museum the social function of the storages which should be accessible not only for the scientists, the best administration of the space; the avoiding of improvised lavishness in dislocation of exhibits etc. In the realization of exhibitions all sorts of problems are combined: the style of work of the museum staff divided into working sections and the participation of country manufactures in the arrangement of exhibitions, e.g. such as joiners, potters, fullers, oven- fitters, oilmakers etc.; the Skansen type exposition fitted in the museum building and performed by the conservator, architect and joiner and the exposition of folk-dances made by the sculptor, costumer and choreographer; appeal to the sense of sight and to the sense of smell in the perception of the objective truth of the expositions as well as problems of light and of engaging naturalistic elements (pulled out of nature) to modern exposition- to say the truth in a definite proportion — to the space occupied by the cultural products. An important problem is the question of exposition of folk costumes. The series

of photos successively presenting a plastic head of a mannequin clad in a folk- dress was a trial demonstration of the principle that the main purpose of presenting such non- individual uniform shape of the head is to turn away the attention of the spectator from the face of the mannequin towards the very object of the exposition, i.e. towards the dresses. The voices of specialists at the conference organized by the Board of that museum voted for the trial head III. The problems how to expose figured folk-carving (socles, columns, shelves, grates, niches), embroideries, tissues, and pottery has been later discussed, as well as the problem of construction of show- cases for a permanent exhibition of folk- dresses and their rhythm in the system. It has been stated that standard museum implements of universal application do not exist, because they are subject to changes in dependence of the object and character of the exhibition (which can be permanent, temporary, touring, representative). Finally the problem of labels and inscriptions has been emphasized, their laconism, intelligibility to everybody and strict connection with the theme of the object being postulated.

Ян Чекановский

ПРИБАЛТИКА И СКАНДИНАВИЯ

Балтийская Экспедиция, начавшая свои полевые работы по этнографии и антропологии летом 1952 г., была организована Институтом Этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии Наук СССР совместно с Институтом Истории и Права Академии Наук Литовской ССР, Институтом Этнографии и фольклора Латвийской ССР и Институтом Истории и Этнографическим Музеем Академии Наук Эстонской ССР. Её антропологические результаты опубликованы Н. Н. Чебоксаровым (1954). Антропологическим обследованием было охвачено 1845 взрослых мужчин в 18 местных группах, числящих не менее ста человек каждая: Литовцев 615, в районах: Ивенчёнском, Варенском, Мариампольском, Кретингском, Кельмеском и Ракишском; Латышей 516, в районах: Неретском, Айспутском, Добельском, Лимбажском и Вилянском; Эстонцев 512, в районах: Печорском, Тартуском, Тапаском, Йыхвиском и Пярнуском; Великорусов 100, в Островском районе Псковской области и Белорусов тоже сто в Сморгонском районе.

Работа Софии Эгргардт (1939), не знающей польской антропологической литературы, приводит результаты немецких, эстонских и латышских довоенных публикаций, но эти данные позволяют использовать лишь 12 следующих серий наблюдений:

1. И. Бреннзон (1883) — 60 литовцев Ново-Александровского уезда.
2. Вебер (1879) — 60 латышей из окрестностей Либавы.
3. Н. Йерум и Т. М. Витольс (1928) — 143 латышей из Зесвеген в Венденском уезде.
4. И. Вильде (1924) — 189 Курляндских ливов.
5. С. Эгргардт (1933) — 104 эстонцев прихода В. Кёппо, Феллинского уезда.
6. Н. Ауль (1935) — 820 эстонцев Феллинского уезда.
7. И. Ауль (1929) — 1145 эстонцев (мужчины и женщины) острова Эзель.
8. И. Ауль (1932) — 1385 эстонцев (мужчины и женщины) острова Моон.
9. Р. Виллемс (1926) — около 1350 эстонских призывных с материка.
10. Р. Виллемс (1926) — 150 эстонских призывных с островов.

11. И. Ауль (1937) — 117 шведов из северо-западной. Эстонии и с острова Вормс.

12. К. Гильден (1926) — шведы острова Рунё (всех жителей 275).

Ввиду того, что исследователи различно измеряли высоту лица и носа, а тоже неодинаково выделяли светлые глаза и волосы, пришлось выяснить разницы в технике антропологических наблюдений. Результат этой подготовительной работы подан в Таб. V. Удачное решение этой задачи позволило перевести результаты всех исследований на получаемые при применении стабилизированной профессором Мартином техники антропологических наблюдений. Результаты этих редукций поданы в Таб. III и VI.

Очень наглядным доказательством того, что трудный вопрос перевода наблюдений Балтийской Экспедиции и Польской Антропологической Съёмки на уровень Швейцарской Антропологической Съёмки разрешён вполне удовлетворительно является Таб. I. Там использовано то обстоятельство, что для районов — венчёнского и варенского, ныне исследованных Балтийской Экспедицией. Ян Мидлярский (1928) опубликовал результаты Польской Антропологической Съёмки. Сравнение этих результатов осложнено тем, что Балтийская Экспедиция определяла цвет глаз по схеме Бунака и цвет волос по старой шкале Фишера, а высоту лица измеряла от нижнего края бровей, а не от пазнона. Разница между Польской и Швейцарской Съёмкой состоит в том, что светлые глаза первой это номера 12 — 16 шкалы Мартина, а второй только 13 — 16 и светлые волосы первой это оттенки А — R, а второй — А — О. Учитывая эту разницу, были получены результаты, поданные в Таб. I. Они вычислены аппроксимацией Ванке, при применении констант Чекановского (1954, с. 230), временно определенных для швейцарских призывных. Полученная почти полная тождественность определенных антропологического состава населения по результатам двух исследований, неодинаковым образом уточняющих результаты своих наблюдений, свидетельствует, что Балтийская Экспедиция и Польская Антропологическая Съёмка работали исправно, а вопрос перевода их числовых данных на швейцарский уровень разрешен вполне удовлетворительно.

В Таб. IV и VII даны результаты аналитических вычислений, произведённых на основании данных Таб. III и VI. Они незначительно деформированы вследствие того, что метод, приспособленный к анализу швейцарцев не выделил примеси, свойственной угро-финским племенам — т. е. палеоазиатского типа польской антропологии. Он разделен здесь на средиземноморский и лапонидный элемент, повышая их проценты. Этим объясняется загадочное повышение, средиземноморской примеси у латышей. Судя по ней, размеры палеоазиатской примеси незначительны и по всей вероятности не доходят до 6. Тем не менее

она проявляется расширением лица и носа и была причиной выделения восточной расы И. Деникером, а восточно-балтийской или восточно-европидной немецкими антропологами.

Получение аналитические результаты обнаруживают, что прибалтийские финны, а в особенности ливы подверглись так сильному антропологическому влиянию северных германцев, что по своей нынешней антропологической структуре они им многим ближе немцев. Это очень наглядно показывает приложенная карта концентрации нордического элемента. Совсем неожиданное обнаружение большей палеоазиатской примеси у латышей нежели у эстонцев, не говоря о ливах, свидетельствует, что латыши подверглись влиянию финнов ещё до их антропологической скандинавизации.

Не менее важно то, что эстонцы, несмотря на очень высокий процент нордического элемента, принадлежат к нордической формации континентального типа, т. е., что у них лапоноидная примесь сильное средиземноморской. Это позволяет заключить, что они ассимилировали часть автохтонного населения, состоящего из лапарей. Можно при том предполагать, что большинство было оттеснено к югу, потому что в этом направлении сильно растут проценты лапоноидного элемента.

Наличие существенной антропологической, до ныне ещё не уточненной разницы между литовцами и латышами и эстонцами и ливами и тесная связь этих последних со шведами очень ясно показано диаграммой. Она обращает внимание на то, что эстонцы — островитяне и латыши из окрестностей Либавы антропологически не отличаются от ливов. Экспансия ливов сильно повлияла на антропологический состав населения западной Латвии и Жмуди. Не подлежит при том сомнению, что латыши составляют рубежную балтийскую формацию, которая образовалась под более древним финским влиянием.

Применение метода количественного анализа показало, что антропологическое настоящее Прибалтики результат столкновения финнов с германцами и балтами, причём латыши дошли до моря раньше литовцев и позже финнов. Спорный вопрос кто раньше занял побережье, германцы или финны, может разрешить лишь обстоятельное изучение краниологического материала.

Вацлав Пэч

ПОВИСЛИЕ И ПРОБЛЕМА ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ НА МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ПАРИЖЕ В 1919 г.

Польская делегация на Мирной Конференции в Париже не смогла добиться признания таких границ на Западе, которые отвечали бы, не говоря про её исторические права, насущным нуждам экономичес-

кого, политического и военного порядка. Удалось получить обратно только небольшой отрезок морского побережья. Самой большой потерей для Подыши было оставление за Германией суверенитета над правобережным Повислием и Восточной Пруссией.

Что касается первого пункта, то известно, что вопреки признанию Польше Комиссией по польским делам этой территории, вследствие знаменитой атаки британского премьера на совещании Верховного Совета 19. III 1919 г. и проигранного Польшей плебисцита, этих земель она не получила, хотя, как выразился проф. К. Питш, один из экспертов Польской Делегации, безоговорочное признание Польше по крайней мере Штумского уезда было актом элементарной справедливости. Всем известно, что аргументы немцев опирались на факте, что будто бы эта территория была немецкая, вследствие того, что большинство населения считало себя немцами. Объективным критерием германская сторона считала язык, которым население пользовалось и называло, родным. Однако, даже эксперты союзников на Конференции не таили, что прусские статистические данные тенденциозны, а наш знаменитый учёный географ, проф. Е. Ромер имел смелость сказать, что все приведенные в официальных списках цифры о количестве проживающих на этой территории немцев и поляков в большей или меньшей степени фальсифицированы.

Территория Повислия имела кроме того для возрождавшегося Польского Государства огромное значение потому, что признание этих земель в 1919 г. Польше поставило бы совершенно в другом освещении проблему Гданска, даже в случае установления в нём особого юридического организма публичного права и несомненно влияло бы тормозящим образом на его антипольские тенденции.

Что касается вопроса Восточной Пруссии, то тут Польская Делегация уточнила свои постулаты в ряде нот и мемориалов, которые разрабатывались с 1917 г. В них подчёркивалось, что в противоположность всем другим спорным задачам, правильное разрешение проблемы Восточной Пруссии имеет принципиальное значение для сохранения всеобщего мира и для безопасности Европы, а для Польши связано прямо-таки с её существованием.

По мнению Польской Делегации этот вопрос, к сожалению, нельзя разрешить в форме компромисса, а следует выбирать между альтернативой: 1) принятием немецкого предложения, т. е. оставления Восточной Пруссии и Поморья (Западной Пруссии) в германских руках, отрезывая 25—30 миллионов польских граждан от моря и отдавая в экономическое порабощение Польшу и Балтийские государства с посредственным контролем Германией восточной территории России, Белоруссии и Скандинавии, или: 2) принятие польского тезиса. В этом случае от

Германии было бы отрезано 2 миллиона её граждан. По чьей стороне была справедливость, нетрудно угадать.

Что касается компромиссного решения, т. е. предоставления Поморья Польше, а Восточной Пруссии Германии, то польское общественное мнение считало, что такое решение ничего не даёт, так как оно было бы чревато последствиями, являясь источником неугасающего конфликта между обеими странами. Дело в том, что авторы польского проекта отлично отдавали себе отчёт в неравности сил Польши и Германии, сознавая грозящую опасность в случае подписания такого мирного трактата. С другой стороны, немцы тоже были согласны с такой негативной оценкой компромиссного решения, признавая, что решение преобразования Гданьска в независимый город-порт с польским суверенитетом во внешних делах, будет поводом к созданию военной атмосферы и постоянного напряжения на востоке.

К сожалению, все самые веские аргументы и наиболее логические выводы разбивались вследствие упорства и неуступчивости руководителей британской политики, которым принадлежал в переговорах решающий голос и которые имели в виду исключительно интересы своей Империи. Они ошибочно считали, что умиротворение Германии может быть достигнуто ценой уступок исключительно со стороны слабейших партнёров. Такую цену должна была заплатить прежде всего Польша.

Их недалёковидная и эгоистическая политика привела в конечном итоге к тому, что за их ошибки пришлось вскоре расплачиваться всему миру, погружённому в трагедию второй мировой войны.

Г. Вильчевский.

ИЗ ПРОБЛЕМАТИКИ ЭТНОГРАФИИ ПОБЕРЕЖЬЯ БАЛТИКИ В 44 ТОМЕ ИЗДАНИЯ „НАРОД“

Постулат польской морской этнографии и постулат подъёма работ, запроектованных Комитетом исследования развития техники, науки, искусства, традиции и социальной жизни людей моря, создание этнографического морского атласа со словарём и организация морских музеев, одним словом, реализация решений 1-го Международного конгресса морской этнографии (в 1954 году, в Неаполе, под покровительством ЮНЕСКО), не требует более широкой аргументации. Рассматривая написанные до настоящего времени работы о искусстве строительства лодок и кораблей, являющихся самыми важными орудиями труда и борьбы на море, необходимо отчётливо выделить скандинавское лодочное строительство, т. к., по мнению А. Костера, германские народы возле устья Эльбы ещё в 1 в. н. э. пользовались в мореплавании большими дощатыми лодками и, конечно, не могли противостоять римскому флоту.

Не были они, однако, засидевшимися рыбаками, т. к. предпочитали брать морскую ловлю в аренду у римского товарищества. Костер делает предположение, что континентальное плавание германские народы переняли позже у римлян, а возможно и у кельтов. В свою очередь, скандинавское судостроение, по всей вероятности, связывается с общими основами славянского балтийского кораблестроения. Германские континентальные народы, оказывающие давление на славян, проживающих за Эльбой, по всей вероятности, перехватывали также и славянских плотников-судостроителей.

Известно также, что даже и после падения велецкой и ободницкой федераций, сохранилось и развивалось славянское морское пиратство. Следует привести замечание проф. К. Гурского („Польша в бассейне Балтики”), что в городе Ростове сохранилась даже „Вокрентерштрассе”. Немцы только в ганзейский период начали развивать судостроение и то с участием славянских плотников. Наше прапоморское судостроительство получило развитие от родимых первоначальных форм, известных ещё с эпохи неолита, а приморская лужицкая группа вполне освоилась с морем, подобно более поздним группам венецкой культуры, которые освоили почти всё южное побережье Балтики, оставляя следы в топонимике дальних пристаней и портов, среди которых есть бросающееся в глаза название Липа-Лена. Название это соединяется не столько с названием дерева, сколько с прилагательным „лепы” — хороший, добрый. Наличие кашубских рыбных станций на Висленской косе ещё в XIII веке говорит о том, что судна, найденные на восток от устья Вислы, также были скорее славянские, а предположение о их прусском происхождении недостаточно обосновано, т. к. известно, что в прусском владении находилось славянское население. Известные лодки из Гданьска-Оруни, открытые в 1933 году и описанные О. Пенауом, похожи в основном на лодки, обнаруженные раньше, в Мехлинках, Харброве и Лэбе, а способом крепления обшивки со шпангоутами не отличаются также от лодок, найденных на восток от Вислы. Реки Лэба и Радуня, а также бассейны дельты Вислы и Ногата представляли благоприятную коммуникационную систему, а последние исследования В. Ленги подтвердили непрерывность славянского заселения давних островов дельты. Уже О. Пенау заметил, что найденные лодки отличаются от лодок викингов. Это не лодки открытого моря, а скорее лодки континентальные, приспособленные к закрытым водам, особенно к дельте и Висленскому заливу. Из полученных до настоящего времени материалов видно, что морское и заливное рыболовство Приморья до времён крестоносцев охватывало Висленскую косу (стоит привести замечание гданьского учёного Р. И. Селлкого, который признает, что даже в начале XX века жители рыбацких поселений на восток от устья Вислы обнаруживали славянские черты). Над Висленским заливом, в небольших живописных ры-

бацких портах работали плотники-судостроители, которые без чертежей, посредством унаследованной традиции строили специфические лодки и парусники (напр., судостроитель Модерситзки в Тольмицке). Тщательно описал их происходящий из Тольмицка Шимански в работах на немецком языке.

В материальной культуре эблонгской земли, как и во всей Вармии, сохранилось много памятников, а особенно памятников сельского строительства. Известно, что германский исследователь Диттрих еще во второй половине XIX века констатировал повсеместность славянских срубов изб на этой территории.

Рышард Гансинен.

ЕВХАРИСТИЯ В ВЕРОВАНИЯХ И ОБРЯДАХ НАРОДА.

На примере Евхаристии здесь доказывается, что верования и обряды, впоследствии причисляемые к суевериям, первоначально являлись официальными церковными обрядами или, по крайней мере, были одобрены передовыми христианскими кругами: монахи, епископы являлись их создателями и только от них эти обряды проникали в народ. Во-вторых, указывается на творческий характер латинского средневековья, в котором выкристаллизовываются окончательно господствующие в настоящее время народные верования и обряды.

Материал подразделяется на две большие группы: первая охватывает церковные обряды, т. е. одобряемые и пропагандируемые церковью; вторая включает обряды, запрещенные церковью, хотя и применяемые монахами, епископами, ксендзами.

I 1. Евхаристия для умерших выступает в двух формах: когда умершему подают причастие в уста. Этот обряд известен лишь из запрещений соборов, начиная с V века. Но из того, что запрещение это постоянно повторялось, вплоть до каролингской эпохи видно, что обряд этот глубоко укоренился и народ был к нему привязан. Связывается это несомненно с практикой позднего крещения: почти до XV в. крестили лишь взрослых, прошедших подготовку в школах учителей Закона Божьего. В случае, когда такого ученика настигала смерть, его крестили на носилках, совершали миропомазание и давали ему причастие, как это делали нормально для живых. Выступает Евхаристия и в другой функции, когда её клали умершему на грудь. Она служила „провизией” на дорогу. Практика эта соотносится с прадавним дохристианским обрядом эллинов и египтян, снабжающих умершего пищей и питьём. Выступает она в практике египетских монахов, от которых епископ Василий перенял его для себя и освященное причастие („тело Христово”) велел положить к себе в могилу. Обряд этот перенимает также Орден Бене-

диктинцев и в связи с этим у них воспитано высокопоставленное духовенство. Этот обычай повлиял на ритуал консекрации алтаря и местами сохранился в ритуале Великой Пятицы. С ним соотносятся более новые рассказы, о людях, наказывающих положить Евхаристию к себе в могилу.

2. Евхаристия в христианском лечении: многочисленные свидетельства говорят, что начиная со 2-го века, т. е. почти до начала христианства, Евхаристию применяли в качестве лекарства и амулета. Вплоть до нового времени рекомендовалось так называемое благословение чувств после обедни путём наложения согрота на лицо, из чего возникли народные обряды. Самое широкое применение Евхаристия имела в лечебной практике (в качестве талисмана против демонов, болезней, червей), её закапывали в огороде и в поле, чтобы получить хороший урожай. Евхаристию подавали в качестве лекарства не только больным людям, но и животным.

3. Purgatio canonica это евхаристический обряд, возникший только в эпоху меровингского средневековья. Подсудимому, не признающему себя виновным, епископ торжественно и с наставлениями давал Евхаристию. В случае, если подсудимый был виновен, то он умирал в течение года. Церковь санкционировала этот обряд, включая его в каноническое право, как дисциплинарный способ очищения монахов, епископов и ксендзов от тяжких обвинений.

4. Евхаристия как средство охранения жизни человека и животных. Талисманый характер Евхаристии подтверждают и одобряют епископ Амвросий и папа Георгий I: тем, кто носит с собой освященную просвиру, она гарантирует безопасность. Поля, освященные во время церковных процессий, Евхаристия хранит от убытков, наносимых градом, засухой, мышами, насекомыми и т.п. и гарантирует урожай. Против бурь и молний везде выступает ксендз с Евхаристией. Евхаристия (или согротале), брошенная в воду или огонь воздерживает бедствие. Практика эта существует с X века до нового времени.

II. Обряды, запрещенные церковью. Создателями и покровителями этих обрядов также являются монахи, ксендзы и семинаристы, от которых они перешли в народ.

1. Евхаристия как талисман охраны домашнего имущества. Евхаристия, зашитая в одежду, хранит от несчастий и обеспечивает успех. С XII века пастухи, нося при себе Евхаристию, охраняют тем самым себя и скот от заразы и волков. Евхаристия, пришитая к сети, всегда обеспечивает богатый улов; брошенная в бочку с вином, увеличивает набатчику число гостей. Овощи, посыпанные Евхаристией, хорошо растут и бывают защищены от гусениц. Лесники и охотники употребляют Евхаристию, чтобы непременно попасть в цель. Это немецкая практика.

1. Евхаристия в любовном чародействе известна непрерывно с XII века по настоящее время в различных видах: поцелуй с Евхаристией в устах, дыхание после причастия в лица возлюбленных. В Испании и в других местах давали Евхаристию в пищу.

3. Евхаристия в гаданиях выступает только в преданиях.

4. Евхаристия как охрана перед чортом и колдуньями: брошенная в огонь или в воду Евхаристия уничтожает призраки и наваждения ада, а также разоблачает колдуний.

5. Евхаристия в зловредных колдовствах, помещенная под кроватью, под порогом, растёртая пестиком в порошок, вызывает бури с градом, прибавленная в виде экскрементов к пище овец вызывает заразу (Франция). Обладание Евхаристией считается во Франции (реже в других странах) приметой колдуний.

Все эти обряды и верования замирают в XIV в. под влиянием нового умственного направления, деизма, идущего из Англии (Скотт) через Голландию (Беккер, Дале) во Францию (Фонтенелль) и отсюда в другие страны. С появлением оккультизма и магии (1450 г.), возникшей и культивированной при княжеских дворах, а также при дворах церковных сановников, а отсюда распространяющейся на мещанство и народ, — с времени инквизиции конфессионал и амвон наиболее активно способствовали популяризации магических верований и обрядов. С момента прекращения деятельности этих источников уменьшился и, наконец, совсем исчез магический мир.

Мариан Готкевич

РЕЛИГИОЗНАЯ БОРЬБА В ПЕСНЯХ И ПРЕДАНИЯХ СПИШКА И ОРАВЫ

Край, расположенный между горной цепью Магуры Спической и Дунайцем и называемый Замагужем Спическим, ныне принадлежит частично Польше, а частично Чехословакии. Издавна он заселён поляками римско-католического вероисповедания; число их составляет 15000. Кроме того, есть там три лемковские деревни, населённые жителями греко-католического вероисповедания. Деревни эти расположены на чехословацкой стороне и насчитывают около 2700 жителей, говорящих на русском диалекте. Возникли они в XV и XVI в. в связи с волной волошской колонизации.

Легенды, записанные в Лалшах Выжных на Замагужу Спическом, рассказывают о споре, который якобы возник на почве права на деревню между её жителями римско-католического вероисповедания и греко-католическими лемками. Факт этот может говорить о том, что в этой деревне, ныне полностью римско-католической, могла в течение определённого

времени жить группа лемковских пришельцев, которая впоследствии то ли ассимилировалась с польскими автохтонами, то ли оставила эту деревню, переселившись в другое место.

В период контрреформации в некоторых деревнях Замагужа Спического, принадлежавшего тогда Венгрии возникали распри из-за права владения костёлами между католической частью населения и группами протестантов, пользовавшихся поддержкой своей феодальной верхушки. Эти отношения нашли отражение в предании, записанном в деревне Кремпахи, в Замагуже, принадлежащей протестантской семье Горват Станхитсов де Градец. По этому преданию, с согласия обеих спорящих сторон, вопрос должен был быть решён таким образом, что хозяином костёла будет та сторона, у которой раньше родится ребёнок мужского пола. Счастье благоприятствовало католикам и в их руки перешёл костёл.

Антонизм вероисповедания в период реформации и контрреформации нашёл также отражение в песнях и преданиях Горной Оравы, местности, расположенной между Татрами и Бабьей горой, где польскому населению был наброшен панам оравского замка протестантизм. Во второй половине XVII века на Ораве окончательно победил католицизм. Именно этим временем датируется наибольшее число песен и преданий, возникших на почве религиозной борьбы. Некоторые из этих песен и преданий сохранились до настоящего времени. Тексты их, собранные за последние несколько лет, приводятся в данной статье.

Войцех Гейнош.

ЭТНОГРАФИЯ И ПРАВО.

В начале работы автор обращает внимание на тот факт, что этнография имеет широкий диапазон исследований, в результате чего находится в тесном контакте с другими науками и в особенности с историей. В исследовании более раннего периода истории, этнография скрещивается с археологией, которая в свою очередь в исследовании опирается главным образом на реликты материальной культуры, которая соревнуется в некоторой мере с развивающейся ныне новой наукой, т. е. с историей материальной культуры.

Несмотря на эту конкуренцию этнографии с вышеуказанными науками, она сохраняет за собой почти беспредельно определённую область общественной жизни, а именно, общественную идеологию: верования, суеверия, нравы и обычаи. Необходимо также подчеркнуть, что этого вида исследования составляют, пожалуй, самый древний предмет этнографической заинтересованности, а применяемые методы исследования гарантируют этнографии доминирующую роль в этой области.

К дисциплинам, которые используют результаты этих этнографических исследований, принадлежит также и правовая наука, равно, как в отношении исследований по истории права, так и в отношении изучения живого права, применяемого в настоящее время. Эту связь особенно легко понять, если возьмём во внимание, что ведь почти всякое юридическое право берёт свое начало в бытовом праве, которое играет более или менее значительную роль также и в более поздний период, когда уже развивается законодательное право. Именно тогда это право выступает преимущественно в виде так называемого народного бытового права. Изучение этого права имеет значение, как при кодификационной работе, так и при нормировании акта правосудия, а также имеет некоторое значение в колонизаторской кампании, особенно, когда предметом её являются первобытные народы.

В нашей науке права уже довольно давно пришли к выводу, что этнографические исследования имеют очень важное значение в изучении истории польского права, имея в виду его преобладающий бытовой характер. Достаточно припомнить работы таких знатоков этого права, как М. Бобжинский, О. Бальцер, П. Домбровский, В. Абрагам чтобы в этом убедиться. Однако правовые обычаи имеют значение не только для изучения истории права, они имеют связь также с живым правом, а их изучение неоднократно способствует правильной ориентировке в общественных отношениях современной жизни, что имеет чрезвычайное значение и особенно в судебной практике.

В заключение автор обращает внимание, что предметом заинтересованности этнографов являются также и такие общественно-культурные явления, как пословицы, легенды, сказки, народные песни и т. п., которые часто содержат ценные информации об этических и правовых взглядах, свидетельством чего являются хотя бы ценные коллекции О. Кольберга. Юристы, следовательно, должны проявлять больше интереса к этнографическим исследованиям по сравнению с тем, как это было до настоящего времени.

Винценцы Стысь

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОТИВЫ БРАКОСОЧЕТАНИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ ПАР

Настоящая статья основывается на анкете, проведенной в 20 деревнях южной Польши в 1948 г., во время которой были собраны данные о 4950 супружеских четах. Поверхность земельного участка, являвшаяся собственностью мужчин и женщин в момент их бракосочетания была принята в качестве критерия их относительной зажиточности. Побуждения, по которым они подбирались до заключения брака, были

признаны руководствующими принципом, вытекающим из экономических соображений.

Средняя величина земельных наделов, даваемых родителями детям, когда те сочетались браком, была для обоих полов одинакова. Однако статистика показала, что безземельных мужчин было больше, зато было меньше женщин, которые получили самые большие наделы.

37,5% мужчин женилось на женщинах с такими же наделами, как у них самих, 35,7% женилось на более богатых, а 26,8 на женщинах более бедных. Но только в 24,3% всех случаев состояние вступающих в брак значительно разнилось. Это доказывает, что тенденция бракосочетания людей, имеющих более или менее одинаковое состояние была преобладающей. Во всяком случае, 62,5% всех случаев, большая или меньшая разница существовала и влияла в качестве нивелирующей силы на земельную систему, тем более, что людям бедным удавалось зачастую бракосочетаться с богатыми партнерами: с другой стороны богатые часто решались жениться когда другая сторона была бедная, но зато очень привлекательная.

Юзеф Гаек

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ПОЛЬСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО АТЛАСА

Работы по созданию Польского этнографического атласа, проводимые с 1954 года четвёртым отделением Института истории материальной культуры Польской Академии Наук, были начаты ещё в 1947 году Польским этнографическим обществом, которое разработало основные картографические предпосылки этого издания. 1954—1957 г. г. явились периодом напряжённой работы по созданию атласа, проводимой Этнографическим отделением Института материальной культуры во Вроцлаве под руководством проф. Ю. Гайка. Ещё в июле 1955 года была организована здесь атласная конференция, в которой приняло участие свыше 40 этнографов, языковедов, историков и археологов. В течение трёх дней велась дискуссия как по основным тезисам Атласа, так и по методу работы. В семи выставочных залах продемонстрировано около 170 карт, составленных 17-ю авторами. Некоторые из этих карт войдут в пробную и в последующие тетради Польского этнографического атласа. Атлас этот в настоящее время является одной из наиболее важных проблем польской этнографии. Имеется уже довольно значительное достижение по этому вопросу в области письменных работ, о чём свидетельствует библиография, приложенная к данной статье.

В статье под заглавием „Задачи и методы Польского этнографического атласа” в 9-ти разделах затрагиваются самые важные вопросы,

связанные с работой по созданию Польского этнографического атласа, а именно:

1. Основные цели, касающиеся предмета и цели этнографии.
2. Задачи и возможности картографическо-этнографического метода.
3. Картографический метод и его отношение к систематике фактов культуры.
4. Проблема времени в этнографической картографии (вопрос динамичности).
5. Проблема количественной оценки явлений культуры в работах по этнографическому атласу.
6. Проблема взаимоотношений фактов и явлений культуры. Принцип совокупности.
7. Проблема исторических процессов и географической среды в работах по Польскому этнографическому атласу.
8. Проблема словарной картографии в этнографическом атласе.
9. Некоторые вопросы из области картографической техники.

В этих разделах автор делает упор на определение понятия этнографии, констатируя, что она является исторической наукой и как таковая не только ищет и определяет общие законы общественного развития, но и исследует, как эти законы проявляются в определенных условиях быта народов и наций. Этнография в таком значении, также как и история, стремится к конкретным исследованиям по развитию конкретных народов и их культуры.

Результатом такого подхода являются поиски ответа на вопросы: в чём один народ (или племя) отличается в определённый период от своих соседей, и из каких элементов складывается общность, соединяющая человеческий коллектив в определённый этнический быт. Исследуя современность этнограф не ограничивается лишь поисками реликтов и явлений культуры в виде обломков, а исследует культуру в её полном контексте и, посредством количественной оценки происходящих изменений, познаёт направление развития. Следовательно современность является исходным пунктом в ретроградных этнографических исследованиях. На основе современного материала в подобных исследованиях можно сделать выводы по воспроизведению прошедших исторических процессов, по интерполяции материалов в случае неясности или недостатка источников. Современный материал дополняет картину развития крестьянской и пролетарской культуры, а также необходим при оценке современных процессов и при поисках тенденции развития культуры исследуемого народа.

В дальнейших разделах автор обсуждает возможность обработки и интерпретации этнографических исследований при помощи картографическо-этнографического метода.

Мария Знамеровска-Прюфферова.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕИ И ОТДЕЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ

(Текущие потребности и очерк актуального состояния)

1. Охрана памятников народной культуры. Автор характеризует актуальные потребности этнографических музеев, обращая внимание на историческую и общественную ценность памятников народной культуры и искусства, а также на их положение, особенно опасное потому, что Польша, в значительной мере опустошённая войной, особенно бедна, по сравнению с другими странами, памятниками народной культуры. Задачей статьи является проанализировать недостатки и потребности польских этнографических музеев с целью мобилизации усилий для предотвращения дальнейших невозместимых потерь. Автор обращается к властям и общественным культурно-просветительным учреждениям с просьбой помощи в этом деле, указывая на ничтожные исследовательские возможности этнографических отделений музеев.

2. Очерк актуального состояния а) О количестве этнографических коллекций сообщается в подведомственном Министерству культуры и искусства обзоре музейных коллекций, происходящих из Польши в рамках 17-ти воеводств, учитывающих количественные данные с 1954 г. (статья из-за издательских затруднений печатается с опозданием в несколько лет).

По количеству коллекций стоит на первом месте Этнографический Музей в Кракове, который имел в 1954 г. свыше 21000 объектов, а в г. 1958 ок. 22027; затем Музей Народной Культуры и Искусства в Варшаве, имеющий в 1954 г. 20000 объектов, а в 1958 г. ок. 21389; далее следует Этнографический музей в Лодзи, имеющий в 1954 г. около 11000 объектов.

Приложенная карта в некоторой мере иллюстрирует пространственное расположение коллекций в Польше в 1954 г.

В статье даётся характеристика европейских, а также внеевропейских коллекций в Польше, из которых последние в наибольшем количестве находятся в Музее Народной Культуры и Искусства в Варшаве.

б) Деловой обзор этнографических коллекций, происходящих из Польши даёт картину спецификации коллекций по таким подразделам, как охота, рыболовство (особенно рыбацкие багры), пастбищное хозяйство, пчеловодство, растениеводство, горное дело, строительство (модели хат) фигуральная резьба, народная ксилография, прикладное искусство, различные хозяйственные предметы, а в особенности пряничные формы, плетеные изделия, изделия сит, инвентарь, картины, рисованные на стекле, вырезки и наклейки, ткани, изделия красок из растительных и животных продуктов, вышивки и кружева, валки для наматы-

вания узоров на ткани, одежда и народные костюмы, прикладное искусство и обработка сырья в области гончарного и изразцового дела, обработка кож, металла и янтаря; далее обрядовые предметы такие, как вертеп, маски, художественно раскрашенные яйца, изделия из теста, жирандоли, игрушки, модели, иллюстрирующие народные танцы, музыкальные инструменты, лечение, правовые обычаи (меры, знаки, гербы, рыбацкие метки).

Кроме коллекций, находящихся в ведении Министерства культуры и искусства охарактеризованы также в настоящей работе этнографические коллекции, находящиеся в ведении других учреждений.

в) Музеи на открытом воздухе. Указаны здесь сохранившиеся в большом числе на местах или же перенесённые памятники народного строительства в воеводствах Краковском, Гданьском, Ольштинском, Катовицком.

Затем сообщается об административном расположении музеев, а также указываются в очередном порядке воеводства, располагающие самыми богатыми этнографическими коллекциями, происходящими из Польши и из других европейских стран, (В 1958 г., в связи с децентрализацией, большинство музеев в Польше переходит в значительной мере в ведение местных административных властей).

3. Потребности этнографического музееведения в Польше. Существует потребность координации музейной работы с другими научными учреждениями. Следует также, как можно скорее, установить характер музеев и этнографических отделений, определяя радиус их научно-исследовательской деятельности, охватывающей определенный район. Кроме того, нужно установить направление развития музеев, принимая во внимание их специфику в области различных отделов культуры, таких как охота, рыболовство, народное искусство или избранные его подразделения и др. Затем обсуждаются вопросы планового накопления коллекций и научной документации, основанной на одновременном исследовании, а также трудностей и недостатков этих музеев, которые проистекают из скудных кредитов, предназначенных на исследования, покупку объектов и т. д. Часть музеев уже обрела некоторую пользу, благодаря спорадическому сотрудничеству с различными научными учреждениями, такими, как Институт истории материальной культуры Польской Академии Наук, университеты, Государственный институт искусства, научные общества и т. п. Поднимается также очень экстренный вопрос обмена объектами с зарубежными музеями, возникает, потребность организации или же пополнения выставок польской народной культуры за рубежом.

Следует также определить количество имеющихся местных этнографических коллекций в рамках специальных отделов, а также территорий, с целью их планового пополнения. В связи с этим необходимо заведи, там, где их ещё нет, предметы систематические и географические

каталоги. Для этого нужно принять условную систематику коллекций. Среди нетерпящих отлагательства потребностей и недостатков, самым жгучим недостатком в большинстве польских музеев является нехватка соответствующих зданий, достаточного персонала, технического оборудования, лабораторий для обеспечения сохранности, фотографических памятников литературы. Учитывая послевоенные трудности в отношении помещений, всё же организация образцовых хранилищ является актуальной.

Тадеуш Северин

МЕТОДЫ ЭКСПОЗИЦИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В XX веке в области музеев обозначились три главных выставочных типа: хранилищный, декорационный и научный. Первый стремится импонировать зрителю своим объёмом, второй — декорационным размещением предметов. Эти два типа экспозиции сегодня уже устарели, хотя мода на декоративность ещё не везде преодолена. Для научного метода экспозиции характерен приоритет содержания перед формой. Содержание же обуславливается общественным назначением музеев. Научная экспозиция не должна строиться для красоты. Красивым, по нашему мнению является такое размещение экспонатов, которое имеет в рамках вещественного комплекса такую организацию, которая доставляет зрителю и эстетическое удовольствие.

Проектировщики выставок в музеях, устроенных по-современному, могут использовать не только принципы симметрии, равновесия и однородности размещения, но и примеры, подмеченные в произведениях современного искусства, выраженные проникающими и пересекающимися формами, динамикой линий, а также весом форм и цветом. Однако в музее не должны применяться никакие новаторские уклады, некоммуникативные для зрителя или же демонстрирующие систему размещения посредством выдвигания на первое место эстетического фактора.

Важной целью выставки в этнографическом музее является обучение историческому мышлению. В Этнографическом музее в Кракове показано в историческом плане три звена материальной культуры: 1. как человек добывает пищу, 2. как одевался, 3. какое имел жилище. Дополнением к показу материальной культуры является выставка: „История деревни“, представляющая развитие общественных и производственных отношений в польской деревне. Только после ознакомления в историческом плане с орудиями труда, производственными силами и производственными отношениями зритель переходит к выставке народного ис-

куства, одной из основных особенностей которой является тесная связь с потребностями повседневной жизни.

Диапазон такой структуры выставок зависит от пространственного плана. Он может быть создан не путем импровизации, а путем длительной творческой работы. Этот план позволит музею реализовать свои основные задачи, обеспечить рациональное циркулирование публики в музейном здании, придаст общественную функцию хранилищам, которые должны быть доступны не только научным работникам. План будет также способствовать рациональному использованию пространства и позволит избежать импровизации за счет неэкономности в дислокации предметов и т. п.

При реализации выставок пререкрещаются меж собой различные проблемы: стиль работы музейного персонала, подразделенного на трудовые коллективы, и участие в устраивании таких выставок деревенских кустарей: плотников, гончаров, печников, валяльщиков, маслобоищников и т. п. Экспозиция скансеновского типа, вмонтированная в здание музея и сделанная консерватором, архитектором и плотником, экспозиция народных танцев, сделанная скульптором, костюмером и хореографом.

Апеллирование к зрению и осязанию в аперцепции предметной правды выставок и проблемы освещения, а также введение натуралистических элементов (выхваченных с натуры) в современную экспозицию. Конечно, речь идет лишь об определенной пропорции включения этих элементов в пространство, занимаемое предметами культуры.

Важной проблемой является экспозиция народных костюмов. Представленные в виде фотографий очередные опыты решения вопроса пластического воссоздания головы у манекенов народных костюмов в Этнографическом музее в Кракове продиктованы были указанием, что целью общей формы головы у манекенов является отвлечение внимания зрителя от лица манекена с тем, чтобы приковать его внимание к соответствующему предмету экспозиции, т. е. к костюмам. Голоса знатоков на организованной дирекцией этого музея конференции были отданы третьей пробе.

Затем в работе охарактеризованы проблемы экспозиции народной фигуральной резьбы (цоколя, колонны, полки, решетки, ниши), выставки вышивки, тканей, керамики, а также конструкция витрин к постоянной выставке народных костюмов и их ритм в расположении.

В статье подчеркивается, что не существует стандартизованного музейного инвентаря, имеющего универсальное применение. Изменяется он ведь в зависимости от предмета и характера самой выставки (постоянной, временной, передвижной, образцовой). И наконец, обращается внимание на проблему надписей и подписей. Рекомендуются подписи лаконичные, понятные для всех, и тесно связанные с содержанием предмета.